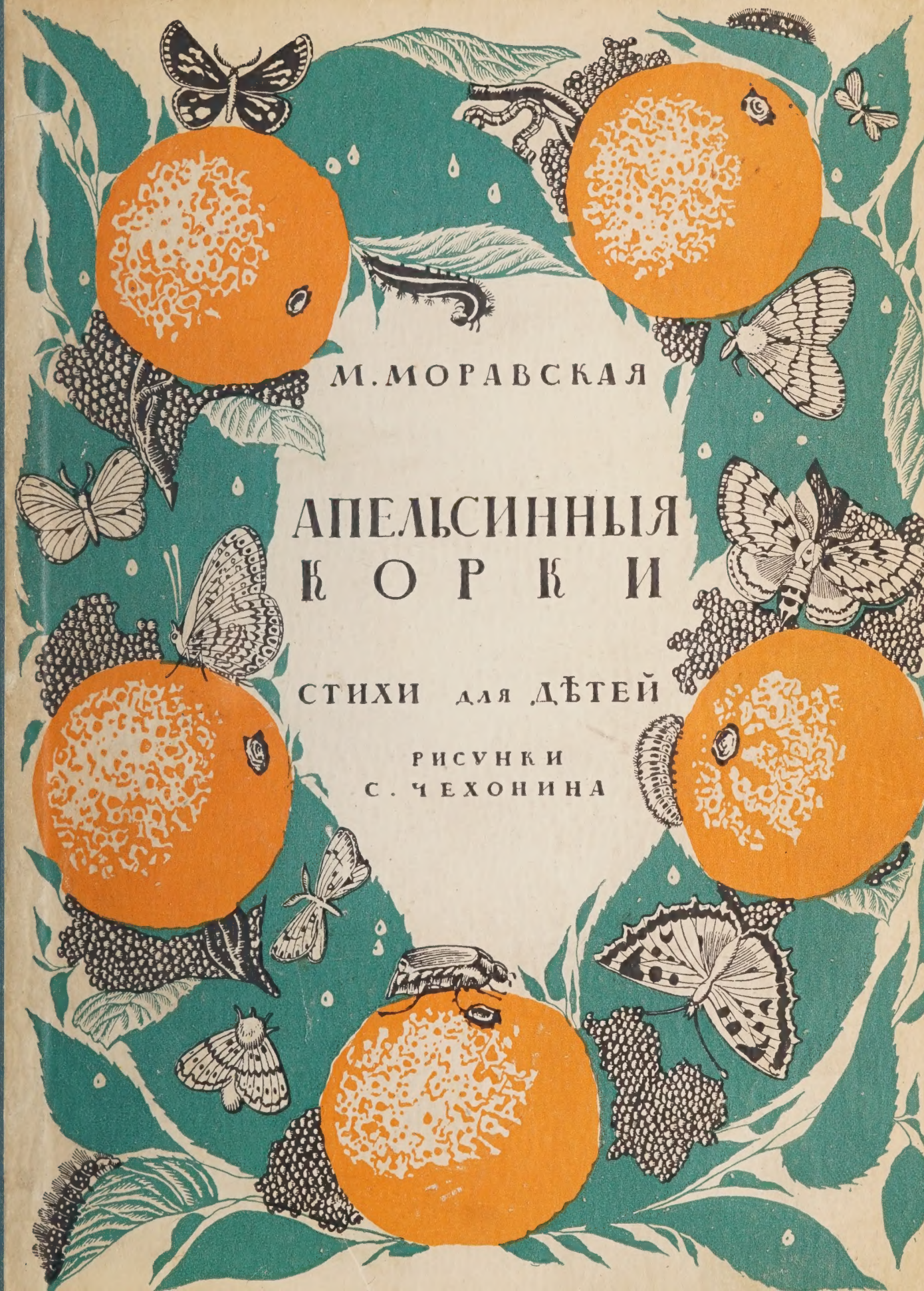


М. МОРАВСКАЯ

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ

СТИХИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

РИСУНКИ
С. ЧЕХОНИНА

М. МОРАВСКАЯ

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ

СТИХИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

РИСУНКИ
С. ЧЕХОНИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО С. ЕФРОНЪ
БЕРЛИНЪ

Дарю эту книжку
милымъ моимъ братьямъ и сестренкамъ.

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/apelsinnyiakorki00mora

АПЕЛЬСИННАЯ СТРАНА.

Цыганенокъ съ обезьянкой,
Съ колокольчикомъ, съ шарманкой,
Всѣмъ на смѣхъ и удивленье
Затѣваетъ представленье.

Обезьянка ухъ — ловка!
Шустро пляшетъ гопака.

Кушалъ Коля апельсинъ
И услышалъ: динъ-динъ-динъ!
Съ апельсиномъ побѣжалъ,
Отъ восторга закричалъ
И мохнатенькой танцоркѣ
Шутки ради кинулъ корки.

Обезьянка ихъ жуетъ,
Нюхаетъ и лапкой третъ,
И забавно кривитъ ротъ...
Вспоминаетъ Апельсинію,
Гдѣ какъ синька море синее
И верблюды и пустыня...

Тамъ превкусные орѣхи,
И на листьяхъ мягко спать,
И не надо для потѣхи
Подъ шарманку танцовать.

РЫБОЛОВЪ.

Я сижу себѣ на лавочкѣ,
Загибаю двѣ булавочки,
Дѣлаю крючки.
Будетъ удочка. Узнали?
Берегитесь всѣ кефали,
Крабы и бычки.

Только нуженъ тонкій волосъ
Къ каждому крючку.
Нуженъ очень тонкій волосъ,
Чтобы рыбка накололась,
Чтобы не былъ виденъ волосъ
Юркому бычку.
Самъ я стриженый... Ахъ, Боже,
Гдѣ взять волосъ? изъ чего же
Лёску я сплету?
Догадался! Знаю! Ну-съ,
Дай-ка, выдерну я усъ
Рыжему коту.
Боже мой, какой онъ злой,
Оцарапалъ, какъ иглой!
Я на полъ свалился съ лавочки,
Потерялъ свои булавочки...
Онъ скупѣе всѣхъ котовъ:
Жалко пары волосковъ!...

КУПАЛЬЩИКИ.

Посвящ. Янку Р.

Сижу себѣ на кочкѣ,
Синички веселѣй.
Купается въ песочкѣ
Сѣрый воробей.

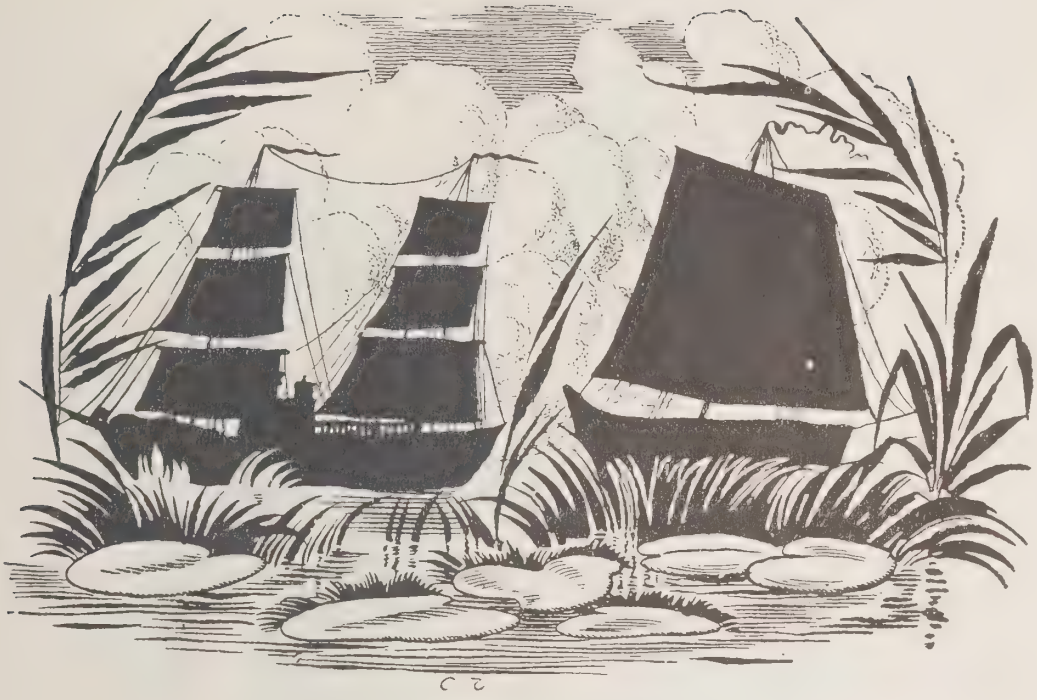
Ай, люлиньки-люли,
Ай, люлиньки-люли, —
Купается, ныряетъ,
Полощется въ пыли.

Купался бы я тоже,
Да мамки боюсь, —
Разскажутъ ей прохожіе:
Измазался Петрусь . . .

Ай, люлиньки-люли,
Ай, люлиньки-люли, —
Какъ хочется ворочаться
На тепленькой пыли.

Смѣются ребятишки, —
Ай, люлиньки-люли, —
Разорваны штанишки
И волосы въ пыли!

Ай, люлиньки-люли,
Ай, люлиньки-люли, —
Разорваны штанишки
И волосы въ пыли.



НЕУДАЧА.

Надъ прудомъ заливаются зяблики
Тоненькими голосами . . .
Я спускаю на воду кораблики —
Съ парусами!
Но лягушки мѣшаютъ ихъ плаванью,
Вѣчно прыгаютъ въ воду: бахъ! бахъ!
И веду я кораблики къ гавани,
Чтобъ они не погибли въ волнахъ.
И стоятъ неподвижно кораблики . . .
А вверху, межъ зеленыхъ вѣтвей,
Надо мной издѣваются зяблики:
„Что, не можешь пускать кораблей?“

МЕЧТЫ.

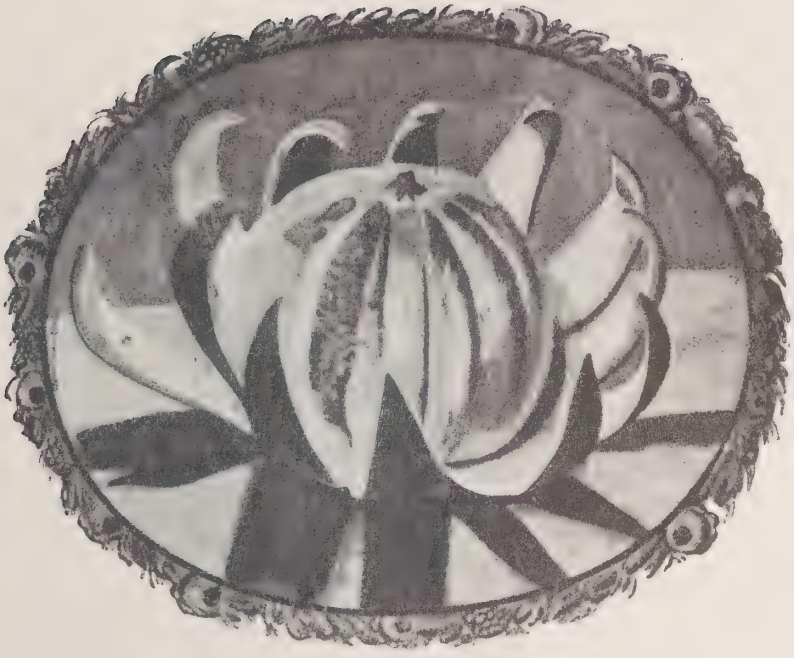
Ахъ,
Обижаютъ меня постоянно...
Убѣгу въ африканскія страны,
Гдѣ пахучіе зрѣютъ бананы,
Гдѣ катаютъ дѣтей на слонахъ.

Доберусь я до мыса Нордкапа,
Превращусь непремѣнно въ арапа,
Заведу себѣ лукъ и верблюда
И уже не пріѣду оттуда,
И домой никогда не вернусь —
Пусть!

Ну, а какъ же я буду въ апрѣлѣ
Безъ базара на вербной недѣлѣ?
Жалко также и новыхъ коньковъ:
Тамъ, пожалуй, не будетъ катковъ...
Жалко маму, котенка и братца...
Нѣтъ, ужъ лучше остаться...

ГРУСТНАЯ ИСТОРІЯ.

Это маленькая сказка безъ счастливаго
конца.
Подъ навѣсомъ надъ террасой жили-были
два птенца.
Очень смирно, очень дружно жили-были
два птенца.
Жилъ на дачѣ мальчикъ Петя, шалунишка,
зубоскалъ,
А у Пети подъ кроватью бѣлый котикъ
проживалъ.
Былъ котенокъ очень нѣженъ, очень милъ
и очень малъ.
Петя влѣзъ съ котомъ на крышу, чтобъ
мурлыкѣ показать,
Что пискунья-воробьиха — удивительная мать.
Но котенокъ прыгъ къ малюткамъ и птенца
за горло хвать!
Всталъ нашъ Петя на защиту, но не сла-
дилъ съ наглецомъ,
Слѣзъ на землю съ грустнымъ сердцемъ
и заплаканнымъ лицомъ.
Это — грустная исторія съ очень жалобнымъ
концомъ.



АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

Горько жить мнѣ, очень горько, —
Всѣ ушли, и я одинъ...
Шебаршитъ мышенокъ въ норкѣ,
Я грызу, вздыхая, корки, —
Съѣлъ давно я апельсинъ.
Часъ я плакалъ — длинный-длинный, —
Не идетъ уже слеза.
Сокомъ корки апельсинной
Я побрызгаю глаза.
Запасусь опять слезами,
Буду плакать хоть полъ-дня, —
Пусть придутъ, увидятъ сами,
Какъ обидѣли меня.

ВЪ ДЕНЬ СПАСА.

Сахарное облако
Плыветъ себѣ, плыветъ...
У меня есть яблоко
И вкусный рыжій медъ.

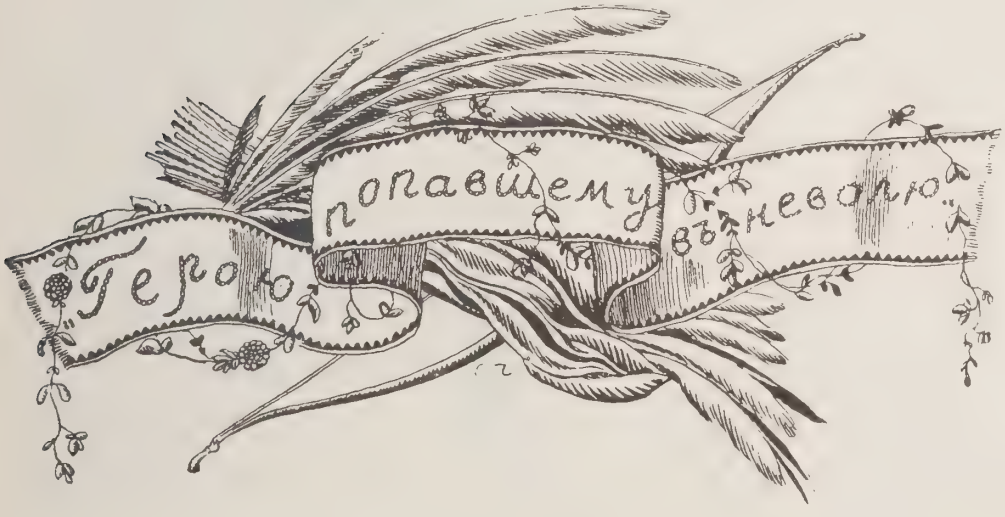
Сижу себѣ на травушкѣ,
Ужасно мило тутъ.
Ползаютъ муравушки,
Соломинки несутъ.

Покусываю яблоки,
Посасываю медъ,
Завидуютъ мнѣ зяблики:
„Весело живетъ!“

БѢГЛЕЦЪ.

Посвящ. Галѣ Ч.

Утромъ Гришка удралъ въ Америку.
Боже мой, какъ его искали!
Мама съ бабушкой впали въ истерику,
Мнѣ забыли на платье снять мѣрку,
И не звали играть на рояли...
Гришку цѣлыя сутки искали —
И нашли на Приморскомъ вокзалѣ.
Папа долго его ругалъ,
Путешествія звалъ ерундой...
Гриша ногти кусалъ и молчалъ, —
Гриша очень неловокъ и малъ,
Но я знаю, что онъ герой.
И въ подарокъ безстрашному Гришкѣ
Вышиваю закладку для книжки,
Краснымъ шелкомъ по синему полю:
„Герою, попавшему въ неволю“.



ВЪ НЕПОГОДУ.

Все дожди, дожди, дожди...
Опротивѣлъ садъ и домъ,
„Потерпи“ да „подожди“,
„Вредно бѣгать подъ дождемъ“...
Все дожди, дожди, дожди!..
Скоро солнышка не жди.
Мокнетъ песъ цѣпной и котъ,
И теленокъ у воротъ...
Вотъ такъ лѣто, вотъ такъ дача!
Ну, ей Богу, я заплачу!..
Ногти стану обгрызать,
Буду Жучкѣ подвывать.
Если-жъ будетъ такъ и далѣе,
Подъ кровать швырну сандаліи
И по лужамъ, скоро-скоро,
Безъ оглядки, прямо въ горы
Убѣгу я босикомъ
Съ пастушенкомъ Василькомъ.

ТАРАНТУЛЪ.

Я сегодня босикомъ.
Травы мнѣ щекочутъ ноги...
Эй, тарантулъ, прочь съ дороги,
Ты мнѣ, братецъ, нипочемъ.
Ходитъ, бродитъ по тропинкѣ,
Шагъ впередъ и шагъ назадъ...
И зачѣмъ таскать на спинкѣ
Цѣлый ворохъ паучатъ?
Какъ взгляну на эту ношу,
Даже страшно мнѣ, ей Богу!
Вотъ возьму я васъ и брошу
На проѣзжую дорогу...
Впрочемъ, жаль васъ гнать изъ сада,
Я васъ очень—всѣхъ—люблю...
Только чуръ, кусать не надо, —
Задавлю!

ПОХОРОНЫ ЦЫПЛЕНКА.

Посвящ. Анюткѣ изъ Геленджика.

Нынче дѣти хоронили
Мертваго цыпленка.
Саванъ шили, ямку рыли,
Распѣвали тонко . . .

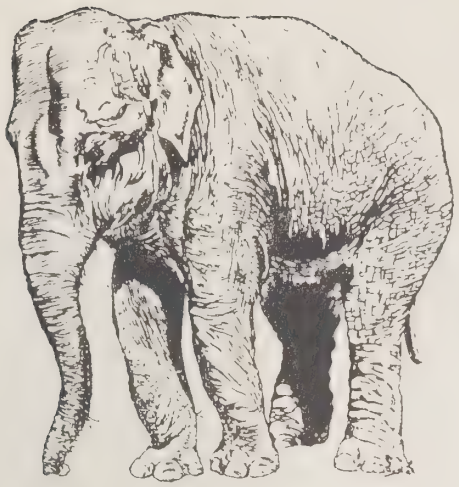
На могилкѣ кипарисы
Посадили, полили . . .
И, стащивъ у мамы рису,
Коливо готовили.

Были свѣчи, были дроги,
Всѣ играли дружно.
Только каркалъ воронъ строгій:
„Очень это нужно! . .

Непріятно даже слушать,
Какъ пищите тонко . . .
Я не прочь бы просто скушать
Дохлаго цыпленка“.

ПЛѢННЫЙ ОХОТНИКЪ.

Я—полковникъ краснокожихъ.
Развѣ я стрѣлялъ въ прохожихъ?
Я вѣдь въ буйвола стрѣлялъ!..
Ну, и въ барышню попалъ.
Въ дѣтской заперли меня,
Одного и безъ огня.
Вѣрно, выпустятъ не скоро...
А потомъ еще укоры:
„Ахъ, какъ стыдно, ахъ, какъ гадко!...
И зачѣмъ тебѣ рогатка?“
Тихо скину моккасины,
Обвяжусь веревкой длинной
И спущусь съ окошка въ садъ, —
Пусть бранятъ...



МАЛЕНЬКАЯ НЯНЯ.

I.

Грунька — няня семилѣтняя —
Водитъ Юрочку гулять.
Груня дура? — это сплетня:
Груня умная, какъ мать.

„Юрка, смирно! Юрка, гдѣ ты?“
Вѣчно слышенъ Грунькинъ зовъ.
„Лѣзть къ окошку? фу, раздѣтый,
Всталъ въ одиннадцать часовъ...“

Пожуритъ, потреплетъ въ мѣру
(Груня строгая, какъ мать)
И на солнышко по скверу
Водитъ Юрочку гулять.

II.

Машка дѣтямъ говорила
(Машка вѣчно перевретъ),
Что Груняша насмѣшила
Въ среду весь честной народъ:

Были съ Юрочкой въ звѣринцѣ.
Звѣри клянчили гостинцы,
И случился тутъ скандалъ:
Юрка близко къ клѣткѣ сталъ,
Чтобъ слоненку хлѣбца дать,
А слониха палецъ—хвать!

Грунька какъ заголосила:
(Просто ужасъ, что тамъ было,
Повскакали люди съ мѣстъ!)
„Ай, слониха Юрку съѣстъ!“

Груня просто испугалась,
Ну, и наглупила малость.
Но зачѣмъ же всѣмъ болтать,
Такъ нарочно и не кстати,
И браниться цѣлый день:
„Грунька глупая, какъ пень!“

КИТАЙЧАТА.

Посвящ. Адѣ Чумаченко.

У меня четыре друга,
Все мальчишки-китайчата,
Очень милые ребята!
Заплетаютъ косы туго,
Уплетаютъ миди съ рисомъ,
Чистятъ клѣтку бѣлымъ крысамъ
И съ шарманкой по дворамъ
Ходятъ, подымая гамъ.

Зазываютъ, нѣтъ отбою:
„Вотъ! бумажки есть съ судьбою!
Вотъ! бумажки есть для васъ,
Крыса вытащитъ сейчасъ“ . . .

Если вамъ „судьбы“ не надо,
Ну, такъ выкиньте, порвите,
Но, пожалуйста, купите:
Китайчата будутъ рады.

Каждый грошъ, смѣясь, возьмутъ,
Даже пѣсню вамъ споютъ,
Если до сыта наѣлись . . .
Но о чемъ поютъ, не знаю:
Вѣроятно, славятъ прелесть
Разноцвѣтнаго Китая.

ЗВѢРИ ОБИЖЕННЫЕ.

ПОКИНУТЫЙ.

Ахъ, осень безпріютная!
Катится рѣчка мутная,
Плюются облака...
Ахъ, тяжкая годинушка,
Ахъ, горькая судьбинушка
Для дачнаго щенка!

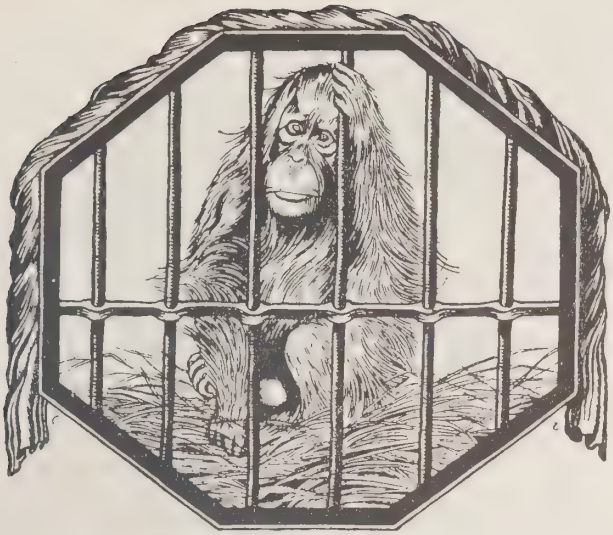
Всѣ кустики измочены,
Всѣ дачи заколочены, —
Куда я ни взгляну...
И, вотъ, сижу на мостикѣ
Съ росинками ни хвостикѣ
И вою на луну:

у-уу...

МОКРЫЙ ЩЕНОКЪ.

Я былъ на улицѣ, продрогъ.
На огонекъ зашелъ.
Я не кусаюсь, я не золъ,
Я — маленькій бульдогъ.

И пусть не дразнятъ всѣ меня
Что хвостикъ я повѣсилъ:
Просохнетъ шерстка у меня,
Тогда я буду веселъ.



БОЛЬНАЯ ОБЕЗЬЯНКА.

Въ звѣринцѣ спозаранку
Кашляетъ обезьянка, —
Не топили еще печей...
Сосѣдушкѣ мартышкѣ
Тычетъ лапки подъ мышки,
Чтобы стало вдвоемъ теплѣй.

Проснувшись спозаранку,
Печальна обезьянка,
Но смотритъ сквозь рѣшетку
Ласково и кротко...
Пожалѣйте обезьянку:
У нея — чахотка.

Я — сова!
Я не стану ручной,
Я — охотникъ лѣсной,
Я — сова!

Пусть не лгутъ, пусть не лгутъ
Человѣчьи слова,
Что хорошій пріютъ —
Человѣчій пріютъ:
Клѣтка мучитъ меня,
Всѣ лѣса — для меня!
Я — сова!

Пусть не лгутъ, пусть не лгутъ
Человѣчьи слова:
Мнѣ не нуженъ пріютъ,
Я — охотникъ лѣсной,
Я не стану ручной,
Буду злой, буду злой, —
Я — сова!

АИСТЪ ЗА ГАЗЕТОЙ.

(Съ англійскаго).

— Безтолковая газета,
И читать ее не стоитъ:
„Выпалъ дождикъ“... но вѣдь это
Насъ ничуть не безпокоитъ!

„Какъ летятъ аэропланы“,
„Отчего у насъ туманы“...
Очень мило, очень ново,
Но о птицахъ нѣтъ ни слова.

ОСЛЕНОКЪ ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Пухлый, глупый и лохматый,
Онъ родился лишь на-дняхъ.
Удивлялся лось сохатый
И газель вздыхала: „Ахъ!
Ахъ, какой онъ безобразный,
Сѣрый весь, должно-быть грязный...
Что за хвостъ, что за копытца! —
Станетъ страшно, коль приснится".
Всѣ съ мычаньемъ, съ ревомъ звонкимъ
Насмѣхались надъ осленкомъ.
Лишь бизонъ одинъ рѣшилъ:
„Некрасивъ, но очень милъ".

И хоть фыркаютъ всѣ звѣри,
Рѣзвъ и радъ осленокъ сѣрый:
Отъ звѣриныхъ злыхъ повадокъ,
Отъ насмѣшекъ и нападокъ,
Отъ пинковъ со всѣхъ сторонъ
Бережетъ его бизонъ.

ОТЧЕГО ТИГРЪ БОЛЕНЪ.

(Съ англійскаго).

Милый докторъ, что со мной?
Лижу лапу, самъ не свой,
Свѣту божьему не радъ.
И въ животикѣ — ой-ой! —
Словно камушки лежатъ.

„Вы, мой милый, въ самомъ дѣлѣ
Очень, очень нездоровы, —
Вы, должно-быть, быстро съѣли
Слишкомъ жесткую корову.

Полежите, отдохните,
Росъ предъутреннихъ лизните
И придите поутру:
Я животикъ вамъ натру“.

БЕГЕМОТЪ.

Пискъ и лай,
Шумъ и гамъ,
Воютъ мишки по угламъ;
Шумъ и гамъ,
Пискъ и лай,
Перепуганъ попугай,
Опечалены мартышки,
Разбѣжались крысы, мышки...
Почему?
Не пойму...
— Разсердился и реветъ
Бегемотъ.

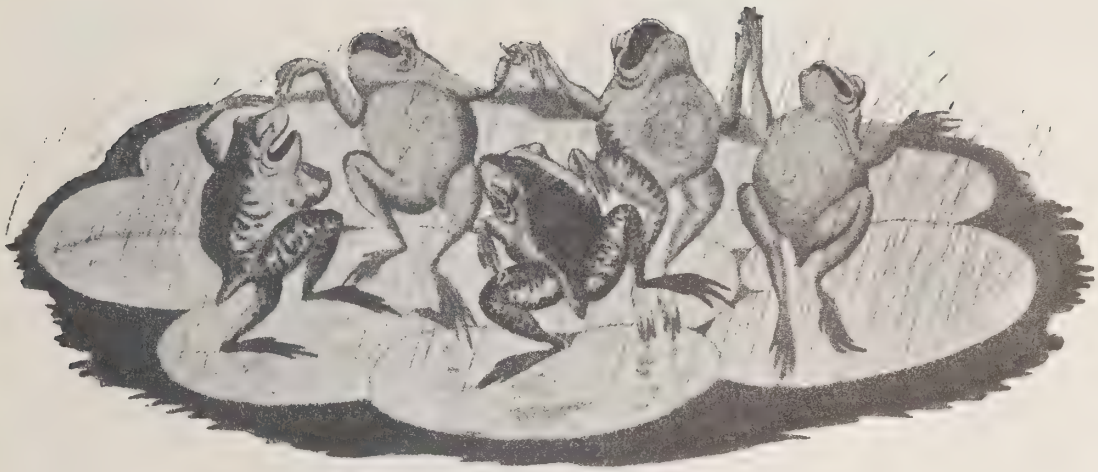
ЖАЛОБА СЛОНА.

Для малюсенькаго Гришки
Всѣ — мышата и мартышки —
Одинаково милы.
„Милый моржикъ,
Хочешь коржикъ,
Хочешь ломтикъ пастилы?“

Всѣ Гришуткѣ очень рады,
Пискъ и лай со всѣхъ сторонъ.
Только грустенъ у ограды
Старый, сѣрый, толстый слонъ.

Но лишь хлѣбца ему дали
И спросили о печали,
Онъ Гришуткѣ далъ отвѣтъ:
— Не хочу, чтобъ рисовали
На резинкахъ мой портретъ!...

ЗВѢРИ ВЕСЕЛЫЕ.



НОВОСЕЛЬЕ.

Дожди, какъ изъ ушата,
Но въ прудикѣ веселье:
Лягушка Толстопята
Справляетъ новоселье,
И пляшутъ лягушата
Ужъ цѣлую недѣлю.

А сколько пѣсенъ спѣли!
А сколько мухъ поѣли!!

Все прыгаютъ, все пляшутъ,
Все лапочками машутъ,
Головками качаютъ
И звонко подпѣваютъ:
„Данъ! данъ! данъ!“
И въ листики кувшинки
Стучатъ для нихъ дождинки,
Словно въ барабанъ.

ПЕРВОЕ КУПАНЬЕ.

У воды,
Межъ высокой лебеды,
Чинно выстроились въ рядъ
Восемь желтенькихъ утятъ.
Ихъ давненько утка-мать
Собирается купать.
Но трусливый все народъ:
Всѣ стоятъ, разинувъ ротъ,
Ни одинъ не хочетъ плыть,
Слышно только: „Пить-пить-пить“ . . .
И смѣются камыши:
„Ишь, какъ трусятъ малыши!“

ВЕСЕЛЫЯ КАЧЕЛИ.

На скрипучія качели
Сѣли шустрые шмели.
Повертѣлись, загудѣли,
На веревки налегли:

„Поддавай! живѣе, братцы . . .
Ухъ, какъ весело качаться!

Выше, выше, посмѣлѣй,
Разъ — впередъ! два — назадъ!“
Плохо кончились затѣи:
Лопнулъ старенькій канатъ.
Всѣ упали вверхъ тормашками
И вздыхали подъ ромашками:
„Охъ, какъ лапочки болятъ!..“

До луны въ травѣ лежали,
Ножки къ брюшку прижимали,
Молча мокли подъ росой.
Только ночью запищали,
Подыскали костыли
И тихонько побрели
Домой...

ПОПРОШАЙКИ.

У рѣшетки въ рядъ
Мишеньки сидятъ.
Ноздри раздуваютъ,
Головой качаютъ,
Воютъ и сопятъ:
— Ай, ай,
Сахару дай!

Вертится въ саду
Бѣлый какаду.
Къ мишкамъ подступаетъ,
Хохолкомъ качаетъ
И, затѣѣ радъ,
Дразнитъ медвѣжатъ:
— Ай, ай,
Сахару дай!

СУСЛИКЪ.

Чредъ разсвѣтомъ, очень рано,
Вышелъ сусликъ на поляну.
Всталъ на холмикѣ крутомъ
Сѣрымъ тоненькимъ столбомъ,
И стоялъ онъ долго тамъ,
Лапки вытянувъ по швамъ.
Думалъ: скоро ли разсвѣтъ,
Будетъ дождикъ или нѣтъ?

На разсвѣтѣ съ кузовками
Вышелъ Васька за грибами.
Видитъ, столбичекъ стоитъ,
Очень миленькій на видъ.
Васька думаетъ: „Постой,
Захвачу его съ собой,
Пригодится, можетъ быть...
Можно чушку смастерить...“

Сусликъ Ваську увидалъ,
Вздрогнулъ, пискнулъ и пропалъ.
Ахнулъ Васька: „Боже мой!
Ишь, столбецъ-то былъ живой...
Вотъ такъ, братцы, чудеса!
Колдовскіе здѣсь лѣса!..“

ВОРИШКИ.

(Съ англійскаго).

На полянкѣ, подъ кустомъ,
Спитъ охотникъ крѣпкимъ сномъ.
Зайцы вылѣзли изъ норъ,
Слышенъ тихій разговоръ:

— Онъ заснулъ, не притворяется?
Загляни ему въ лицо.
Что? и песъ не просыпается?
Такъ утащимъ ружьецо.

„Но ружье начнетъ стрѣлять, —
Въ немъ огромнѣйшій зарядъ!
Нѣтъ, ужъ лучше шляпу взять,
Будетъ люлька для зайчатъ“.

На полянкѣ, подъ кустомъ,
Спитъ охотникъ крѣпкимъ сномъ
И не слышитъ, глупый, спора —
Чьимъ зайчатамъ люлька впору.

ЕЛОЧНЫЕ ДНИ.

Опустѣли въ кухнѣ щелки, —
Что такое хлѣбъ иль сыръ? —
Тараканчики у елки
Правятъ пиръ!

Пляшутъ съ пѣньемъ, пляшутъ съ пискомъ,
Сердце, душу веселя:
„Слава яблочнымъ огрызкамъ,
Слава крошкамъ миндаля!“

Сколько всякой бакалеи:
Медъ, изюминки, кутья!..
„Ѣшьте, братцы, посмѣлѣе!
Мнѣ кусокъ! и я! и я!“

Нѣтъ на праздникѣ милѣе
Тараканьяго житья!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

АПЕЛЬСИННЫЯ КОРКИ.

Стр.

Апельсинная страна 7
Рыболовъ 9
Купальщики 11
Неудача 13
Мечты 15
Грустная исторія 16
Апельсинныя корки 17
Въ день Спаса 18
Бѣглецъ 19
Въ непогоду 20
Тарантулъ 21
Похороны цыпленка 23
Плѣнный охотникъ 24
Маленькая няня 25
Китайчата 27

ЗВѢРИ ОБИЖЕННЫЕ.

Покинутый 31
Мокрый щенокъ 32
Больная обезьянка 33
Сова 34
Аистъ за газетой 35
Осленокъ въ звѣринцѣ 36
Отчего тигръ боленъ 38
Бегемотъ 40
Жалоба слона 41

ЗВѢРИ ВЕСЕЛЫЕ.

Новоселье 45
Первое купанье 47
Веселыя качели 48
Попрошайки 50
Сусликъ 51
Воришки 52
Елочные дни 54

Special 92-B
11774

THE GETTY CENTER

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
BERLIN S. 14, DRESDNERSTRASSE 82-83.